

В. Г. Белинский

**Сочинения Александра
Пушкина. Статья
четвертая**

Виссарион Григорьевич Белинский

Сочинения Александра Пушкина. Статья четвертая

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2819355

Аннотация

С Пушкина начинается самобытная русская литература. Белинский вскрывает историческую закономерность появления оригинальной русской поэзии: «Пушкин явился именно в то время, когда только что сделалось возможным явление на Руси поэзии как искусства. Двенадцатый год был великой эпохой в жизни России. По своим последствиям он был величайшим событием в истории России после царствования Петра Великого. Напряженная борьба насмерть с Наполеоном пробудила дремавшие силы России и заставила ее увидеть в себе силы и средства, которых она дотоле сама в себе не подозревала».

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

17

Комментарии

Виссарион Белинский

Сочинения Александра

Пушкина. Статья четвертая

Санкт-Петербург. Одиннадцать томов 1838–1841 г.

Имел он песен дивный дар
И голос шуму вод подобный.

Великие реки составляют из множества других, которые, как обычную дань, несут им обилие вод своих. И кто может разложить химически воду, например, Волги, чтоб узнать в ней воды Оки или Камы? Приняв в себя столько рек, и больших и малых, Волга пышно катит свои собственные волны, и все, зная о ее бесчисленных похищениях, не могут указать ни на одно из них, плывя по ее широкому раздолью. Муза Пушкина была вскормлена и воспитана творениями предшествовавших поэтов. Скажем более: она приняла их в себя, как свое законное достояние, и возвратила их миру в новом, преображенном виде. Можно сказать и доказать, что без Державина, Жуковского и Батюшкова Не было бы и Пушкина, что он их ученик; но нельзя сказать и еще менее доказать, чтобы он что-нибудь заимствовал от своих

учителей и образцов или чтоб где-нибудь и в чем-нибудь он не был неизмеримо выше их. Поэзия Державина была преждевременною, а потому и неудавшеюся попыткою на народную поэзию. Могучий гений Державина явился слишком не вовремя и не мог найти в народной жизни своего отечества какие-нибудь элементы, какое-нибудь содержание для поэзии. Общество его времени хорошо понимало поэзию патронажства, лести и угодничества; но о всякой другой поэзии не имело решительно никакого понятия и, следовательно, не имело в ней никакой потребности, никакой нужды. Слава Державина была основана не на общественном мнении, которого тогда не было ни признака, ни тени, особенно в деле литературы; нет, слава Державина была основана на просвещенном внимании немногих к его таланту. И если во всей России того времени было человек десять или двадцать, более или менее умевших ценить этот высокий талант, то остальные, человек сто или двести, из которых состояла тогдашняя читающая публика, кричали о нем с голоса первых, сами хорошенько не понимая собственного крика. Где ж тут было явиться истинной поэзии и великому поэту? Правда, природа производит таланты, не спрашиваясь времени и не справляясь, нужны они или нет; но ведь великие поэты творятся не одной природою: они творятся и обществом, то есть историческим положением общества. Думать, что поэта составляет один талант – значит грубо ошибаться. Разумеется, прежде всего поэтом делает человека талант; но к этому

также необходимы еще и характер, и образование, и направление, которые зависят от общества, среди которого является поэт. Чтоб поэтически воспроизводить действительность, мало одного природного таланта: нужно еще, чтоб под рукою поэта была поэтическая действительность. Хорошо было грекам творить их изящные, исполненные идеальной красоты статуи, когда греческие художники и на площадях, и на улицах, и на рынках беспрестанно встречали то мужчин с головою Зевеса, с станом Аполлона, то женщин с выражением величаво строгой красоты Паллады, с роскошными формами Афродиты или обаятельною прелестью Харит. Только итальянским живописцам средних веков был доступен идеал Мадонны, ибо тип ее они видели беспрестанно в прекрасных женщинах своего богатого красотою отечества. Странное дело! Все понимают, что нельзя сделаться великим живописцем, имея какой бы то ни было великий талант, если в годы изучения искусства нет хороших натурщиков; все понимают, что великий живописец, творя идеальную красоту, все-таки нуждается во время своей работы в образце действительности; а никто не хочет понять, что точно так же и для великих поэтов образцом их идеальных созданий служит тоже окружающая их действительность. Природа творит великих полководцев, когда ей угодно, и не только на случай войны, но без войны, и великий полководец проживет весь свой век, даже и не подозревая, что он – великий полководец: только во времена сильных движений обществен-

ных, люди, одаренные от природы большими военными способностями, делаются великими полководцами. Чопорный, натянутый Расин в древней Греции был бы страстным и глубокомысленным Эврипидом; а во Франции, в царствование Людовика XIV, и сам страстный, глубокомысленный Эврипид был бы чопорным и натянутым Расином. Таково влияние истории и общества на талант. У нас этого не хотят и знать. Кричат о Державине, что он гений; стихов его давно уже совсем не читают, а считают чуть не безбожниками тех, кто осмеливается говорить, что теперь поэзия Державина – слишком непитательная и невкусная пища для эстетического вкуса. Повторяем не раз уже сказанное и, смеем надеяться, доказанное нами, что, при всей огромности таланта, который мы и не думаем отрицать и пред которым мы умеем благоговеть больше, нежели все крикуны и лицемеры, вопиющие против нас, – Державин не принадлежит к тем вечно юным гениям, которых создания никогда не стареются, всегда новы и интересны. Поэзия Державина была блестящею и интересною попыткою, для успеха которой не были готовы ни русское общество, ни русский язык, ни образование самого поэта. Это поэзия, носящая на себе все родовые признаки своего времени, а потому для нас, русских, имеющая свой исторический интерес; но как время этой поэзии, так и сама эта поэзия чужды всякого действительного и определенного идеального содержания, которое дается только сильно развитой народною жизнью. Лучшее, что есть в поэзии Дер-

жавина, – это намеки на поэзию, часто не достигающие цели по их неопределенности и темноте; проблески поэзии, часто погасающие в водяной массе риторики; словом, это несвязный детский поэтический лепет, но еще не поэзия. В поэзии Державина есть и полетистая возвышенность, и могучая крепость, и яркость великолепных картин, и, несмотря на ее подражательность, есть что-то отзывающееся стихиями северной природы; но все это является в ней не в стройных созданиях, верных и выдержанных по концепции и отличающихся художественною, полнотою и оконченностию, но отрывочно, местами, проблесками. Словом, это еще не поэзия, а только стремление к поэзии.

Задумчивая и мечтательная поэзия Жуковского совершенно чужда главного недостатка поэзии Державина: она исполнена содержания, но вместе с тем лишена разнообразия и многосторонности. Ни одному поэту так много не обязана русская поэзия в ее историческом развитии, как Жуковскому; и между тем, в созданиях Жуковского поэзия является не столько искусством, сколько служительницею и провозвестницею тайн внутренней жизни. Жуковский – романтик в духе средних веков, а не художник. По своей натуре он чужд этой способности, совершенно поэтической и артистической, свободно переноситься во все сферы жизни и воспроизводить ее явления в их разнообразии и свойственной каждому из них особенности. Ему чуждо это свойство Протея принимать все виды и формы и оставаться в то же время са-

мим собою, – это свойство, в котором заключается сущность поэзии как искусства. Поэзия Жуковского была отголоском его жизни, вздохом по утраченным радостям, разрушенным надеждам, поэтической тризною над умершим для очарования сердцем. Поэзия души и сердца, она чужда всех других интересов и редко выходит из-за магического круга неопределенных стремлений и туманных мечтаний. Это ее величайший недостаток, но это же и ее величайшее достоинство. Она была необходима не для самой себя, а как средство к развитию русской поэзии; она явилась не как готовая уже поэзия, подобно Палладе, родившейся во всеоружии, а как момент возникавшей русской поэзии. Она обогатила русскую поэзию содержанием, которого ей недоставало; указала ей на богатые и неистощимые источники европейской поэзии, которой явления умела с непостижимым искусством усваивать русскому языку. Сверх того, Жуковский далеко подвинул вперед и русский язык, придав ему много гибкости и поэтического выражения.

В поэзии Батюшкова преобладает элемент чисто художественный. Это видно и в фактуре его стиха, и вообще в пластическом характере форм его произведений; это же видно и в артистическом, полном страсти, стремлении его к наслаждению, к вечному пиру жизни; это же видно и в разнообразии предметов его поэтических песен. Это преимущества поэзии Батюшкова перед поэзией Жуковского; но поэзия Жуковского несравненно богаче поэзии Батюшкова со-

держанием. Поэзия Батюшкова скользит по жизни, едва зацепляясь за нее; содержание ее весьма скудно и бедно. Самая художественность стиха его не достигла полного своего развития: Батюшков любил произвольные усечения прилагательных; между превосходнейшими стихами у него встречаются негладкие и даже непоэтические; сверх того, верный преданиям русской поэзии и примеру отца ее – Ломоносова, Батюшков очень и очень не чужд риторике.

Вот в коротких словах все, что было сказано нами в предшествовавших трех статьях. Приступая, наконец, к критическому обозрению поэтической деятельности Пушкина, мы почли за нужное повторить сказанное нами в прежних статьях, чтоб яснее показать читателям историческую связь Пушкина с предшествовавшими ему поэтами.

Мы видели, что эти поэты, оказавшие такие великие услуги рождающейся русской поэзии, только способствовали ее рождению, но не родили ее, более были предтечами поэта, чем поэтами. Без сравнения с Пушкиным каждый из них – поэт; но если сравнивать их с ним, нельзя не согласиться, что между ими и Пушкиным такое же отношение, как между большими реками и еще несравненно большею, которая составляется из их соединенных вод, поглощаемых ею.

Пушкин явился именно в то время, когда только что сделалось возможным явление на Руси поэзии, как искусства. Двенадцатый год был великою эпохою в жизни России. По своим следствиям, он был величайшим событием в истории

России после царствования Петра Великого. Напряженная борьба насмерть с Наполеоном пробудила дремавшие силы России и заставила ее увидеть в себе силы и средства, которых она дотоле сама в себе не подозревала. Чувство общей опасности сблизило между собою сословия, пробудило дух общности и положило начало гласности и публичности, столь чуждых прежней патриархальности, впервые столь жестоко поколебанной. Чтоб видеть, – какое огромное влияние имели на Россию великие события 1812–1814 годов, достаточно прислушаться к толкам старожилов, которые с горестию говорят, что с двенадцатого года и климат в России изменился к худшему, и все стало дороже: добряки не понимают, что дороговизна эта была необходимым следствием увеличивавшихся нужд образованной жизни, следовательно, признаком сильно двинувшейся вперед цивилизации. В это время, вследствие ею же вызванных событий, Франция, столько времени боровшаяся со всею Европою и ознакомившаяся в этой борьбе с своими соседями, уже начала отрекаться от своих литературных предрассудков. Она увидела, что у соседей ее есть не только ум и талант, но и богатые литературы; она поняла, что Корнель и Расин – еще не исключительные представители творческого изящества, а Шекспир, Гёте и Шиллер – совсем не представители замечательных дарований, искаженных дурным вкусом и незнанием истинных правил искусства; она догадалась даже, что

ни классическая «Ars Poetica»¹ Горация, ни подражательная ей «L'Art Poétique» Буало, ни теория Баттё, ни критика Лагарпа уже не могут быть эстетическим Кораном и что в туманных умозрениях немцев вообще и романтических созерцаниях Шлегелей в частности есть много истинного и верного касательно искусства. Словом, романтизм вторгся и во Францию, тесня и изгоняя ее псевдоклассический китаизм, основанный на гордой мысли, что только одним французам бог дал и ум, и вкус, отказав в этих дарах всем другим нациям. Франция жадно прислушивалась к мрачным и громовым звукам лиры Байрона, предчувствуя в них свое собственное возрождение к новой жизни, и поэтические рассказы Вальтера Скотта о средних веках появлялись уже на французском языке почти в то же время, как появлялись в Лондоне на английском. Падение военного терроризма Наполеона развязало Франции руки не только в политическом отношении, но и в отношении к науке и литературе: ненавидимые и гонимые им «идеологи» свободно и ревностно принялись за свое дело; литература и поэзия ожили. Это имело прямое и сильное влияние на нашу литературу. Когда увенчанная славою Россия начала отдыхать от своих побед и торжеств и процветать миром в «гордом и полном доверия покое»^{2{34}}, наши

---

¹ «Искусство поэзии». – *Ред.*

² Стих Лермонтова.^{34}

^{34} Стих. Лермонтова «Родина» (1841). Нужно: «И полный гордого доверия покой».

обветшалые и заплесневелые журналы того времени и патриарх их «Вестник Европы» начали терять свое влияние и перестали, с своими запоздалыми идеями, быть оракулами читающей публики. Явилась новая публика с новыми потребностями, публика, которая из самых источников иностранных, а не из заплесневелых русских журналов начала почерпать понятия и суждения о литературе и искусствах и которая начала следить за успехами ума человеческого, наблюдая их собственными глазами, а не через тусклые очки устаревших педантов. Около двадцатых годов в «Сыне отечества» начались споры за *романтизм*; вскоре после того появились альманахи, как прибежище новых литературных потребностей и нового литературного вкуса, которые с 1825 года нашли своего представителя и выразителя в «Московском телеграфе». Впрочем, да не подумают читатели, чтоб в этом поверхностном quasi-романтизме мы видели какую-то великую истину, действительность которой и теперь не подвержена сомнению. Нет, так называемый романтизм двадцатых годов, этот недоучившийся юноша с немного растрепанными волосами и чувствами, *теперь* смешон с своими старыми претензиями; его *высшие взгляды* теперь сделались косыми и близорукими, а сбивчивые и неопределенные теории превратились в пустые фразы и обветшалые слова. Но всякому свое! Справедливость требует согласиться, что в свое время этот псевдоромантизм принес великую пользу литературе, освободив ее от болотной стоячести и заплесневелости и

указав ей столько широких и свободных путей. Доказательством этого может служить, что лучшие поэтические труды Жуковского совершены им или около, или после двадцатых годов, как то: перевод «Торжества победителей», «Жалоб Цереры», «Элевзинского праздника», «Орлеанской девы», «Ундины» и проч. Даже самый стих Жуковского сделал с того времени большой шаг вперед. Батюшков умер для русской литературы в самое время этого перелома, и потому новое литературное направление не имело на него влияния. Тем не менее можно предполагать с достоверностию, что, без этого несчастного случая в жизни Батюшкова, его ожидала бы эпоха обильнейшей и высшей деятельности, нежели та, какую он успел обнаружить, и что только тогда узнали бы русские, какой великий талант имели они в нем. При всей художественности, при всей пластичности стиха Батюшкова, ему все еще чего-то недостает: видно, что оставалось ему сделать только небольшой шаг, и в то же время видно, что этот шаг суждено было сделать человеку новому и свежему, не затвердевшему в литературных преданиях. Этим человеком был Пушкин...

Приступая к критическому обозрению творений Пушкина мы будем строго держаться хронологического порядка, в каком являлись они. Пушкин от всех предшествовавших ему поэтов отличается именно тем, что по его произведению можно следить за постоянным развитием его не только как поэта, но вместе с тем как человека и характера. Стихо-

творения, написанные им в одном году, уже резко отличаются, и по содержанию и по форме, от стихотворений, написанных в следующем. И потому его сочинений никак нельзя издавать по родам, как издаются сочинения Державина, Жуковского и Батюшкова, особенно первого и последнего. Это обстоятельство чрезвычайно важно: оно говорит сколько о великости творческого гения Пушкина, столько и об органической жизненности его поэзии, – органической жизненности, которой источник заключался уже не в одном безотчетном стремлении к поэзии, но в том, что почву поэзии Пушкина была живая действительность и всегда плодотворная идея. Между тем в безобразном посмертном издании сочинений Пушкина 1838 года (*восемь* томов) стихотворения расположены по родам, разделение которых основывалось на произволе лица, которому была поручена редакция. Вот почему в нашей статье, несмотря на то, что в заглавии ее выставлено издание 1838 года, мы будем руководствоваться изданными при жизни самого поэта изданиями 1826, 1829, 1832 и 1835 годов. Но прежде всего, мы остановимся на его «лицейских» стихотворениях, помещенных в IX томе 1841 года. Некоторые господа сильно нападали на издателей трех последних томов сочинений Пушкина за помещение его «лицейских» стихотворений, говоря, что это сделано для наполнения книжек хоть каким-нибудь материалом за недостатком хорошего и что печатать произведения поэта, которых он сам не считал достойными печати, – зна-

чит оскорблять его память. Ничто не может быть нелепее такой мысли. Мы очень уважаем дарования и таланты таких поэтов, как Веневитинов, Полежаев, Баратынский, Козлов, Давыдов и другие; но все-таки думаем, что из уважения к ним же не следует печатать их слабые произведения, тем более что они никому и ни в каком отношении не могут быть интересны, а между тем могут повредить известности этих авторов. Но когда дело идет о таких поэтах и писателях, как Ломоносов, Державин, Фонвизин, Карамзин, Крылов, Жуковский, Батюшков, Грибоедов и, в особенности, Пушкин и Лермонтов, – то каждая строка, написанная их рукою, принадлежит потомству и должна быть сохранена для него, ибо она напоминает собою или черту их времени, или факт о их образе мыслей и характере.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

34.

Стих. Лермонтова «Родина» (1841). Нужно: «И полный гордого доверия покой».